

ПАМЯТЬ

Рос. газ. - 1993. - 23 марта - С. 8.

ЛЮБИМЕЦ ТЕРПСИХОРЫ

В эти дни, когда в Уфе, родном городе Рудольфа Журиева, проходит фестиваль его памяти, вспоминается наша встреча в марте прошлого года в Москве, где он был проездом несколько часов, в доме у общих друзей. До этой встречи был разговор по телефону, когда я передала ему приглашение от Юрия Григоровича участвовать в жюри международного приза «Балетный Веник». Зная, сколь сложны бывают характеры «звезд», я, естественно, волновалась, набирая парижский номер. Но разговор — так же, как и встреча потом — получился удивительно легким и любезным. Журиев соглашался и участвовать в жюри, и приехать 29 апреля в Москву на вручение приза.

...И вот я вхожу в квартиру друзей и из передней вижу через открытую дверь щедро накрытый стол и полужающего на подушках человека, который, заметив меня медленно, с трудом поднялся и стоя, поздоровался. Эта деталь поразила, потому что он был уже очень слаб и каждое движение давалось с трудом. Я уже понимала, что вряд ли увижу его 29 апреля. Глаза, правда, оживали, загорались заинтересованно разглядывали собеседников. Я должна была взять у него имена кандидатов на приз. На вопрос, кто, по его мнению, лучший хореограф 1991 года, он с легкой улыбкой ответил: «Ну конечно, Рудольф Журиев! За постановку «Дон Кихота» в Парижской опере».

Когда прочла в «Фигаро» «Его последние слова», интонация и острота суждений показались настолько узнаваемыми, что захотелось их перевести.

НИНА КУДРЯВЦЕВА,
заведующая репертуарным отделом Большого театра.

«Его последние слова»

Этьен де Монпреза: В прошлом году вы поставили в Парижской опере «Дон Кихота», в этом году — «Баядерку», и оба спектакля имели триумфальный успех. Какие чувства вы испытываете?

Рудольф Журиев: Прежде всего я должен признать, что Парижская опера стала первой труппой в мире. И я не буду ложно скромничать — стала благодаря мне. Вот лучший мой ответ тем, кто говорил, что я слишком часто отсутствовал в Париже. О дереве судят по его плодам — всякий может убедиться, что я достаточно здесь бывал.

— Зачем же тогда столь шумное расставание?

— Я не умею прислуживаться. И, возможно, я не дипломат. Но в конце-то концов все очень просто — Пьер Берже желал принимать все решения самодично, а я отказался такое положение принять.

— Вы переживаете это?

— Я не боюсь идти на риск. Но меня это ранило, и я прощаю с трудом... Теперь — другое дело, все это уже далеко... отсутствие уважения. Так не обращаются с руководителем балета Парижской оперы. Нужно было совсем ничего не понимать, чтобы решить навязать мне «папу», точно я собака Павлова, которая только и ждет окрика «служить», чтобы стать на задние лапы.

— Говорили, что вы действовали слишком авторитарно. Что «звезда» вел себя как царь.

— Я вижу, все запомнили: «Я обвиняю Бежара!» Конечно, я очень хотел бы стать царем оперы! И прежде всего потому, что невозможно руководить такой труппой, как балет Парижской оперы, демократическими методами.

— И кроме того, говорили, что вы не захотели приложить усилия, чтобы говорить по-французски...

— Я очень люблю французских, они способные люди. Но французский язык настолько красив, что заставляет французских быть «говорунами». С вами все время приходится что-то доказывать, оправдывать. Первое слово в языке — слово «нет»! А я пришел сюда для решительных действий, для того, чтобы изгнать торговцев из Храма. И меня же осудили...

— Но вы все-таки признаете, что ужиться с вами трудно?

— Люди, обладающие знаниями и опытом, не терпят того, чтобы терять драгоценное время: крупные адвокаты, известные врачи... Я претендую на то, что знаю танец лучше, чем большинство из моего окружения. Есть слово во французском языке, которое я ненавижу, — слово «шарм», и еще больше тех, кто «шармирует». У людей, обладающих настоящим знанием, нет времени сидеть и «шармировать», они тотчас говорят, что нужно делать. Вот почему рядом со мной никого нет.

— Обречены на одиночество?

— С 6-летнего возраста я обручился с танцем. И с тех пор я, как католический священник, не имею права вступать в брак. Нельзя отдаваться двум страстям одновременно.

— Вы жестко относитесь к самому себе?

— Самое важное открытие, какое я сделал в жизни, — это то, что нужно научиться жить с самим собой. Единственный человек, которого вы не вправе разочаровывать, — это вы сами... И в итоге годы уходят на то, чтобы, так сказать, «вступить в брак с самим собой», по всем правилам, как полагается.

— У вас много врагов?

— Я люблю, чтобы было так, как должно быть, чтобы вещи делались так, как должны делаться. Это значит, что, когда ты что-то знаешь, нужно без колебаний свои знания применять. А это не всем нравится.

— Создается впечатление, что вы не любите людей, оказывающих вам сопротивление?

— Дело не в этом. Я не выношу некомпетентности. Я ненавижу вести пустые разговоры.

— Говорят, вы танцуете с 5-летнего возраста?

— Не совсем так. Я действительно в 5 лет влюбился до беспамьтства — меня повели смотреть балет по одной татарской легенде — «Журавлиная песня». И я решил стать танцовщиком. Естественно, я хотел быть принцем. И с тех пор я начал танце-

вать — против воли отца, против воли семьи...

— Что нужно, чтобы стать хореографом?

— Прежде всего быть наторовым или иметь этот опыт. Танцевальный опыт тут совершенно необходим. Но при этом сочинение хореографии — вещь особая, ей не научиться. Я попробовал и затем стал заниматься ею.

— Кто, по вашему мнению, самые великие танцовщики?

— Конечно, Нижинский. Но и Эрик Брун был выдающимся танцовщиком.

— А Серж Лифарь?

— Он был более знаменит, нежели велик. Быть может, тот факт, что он танцевал во Франции, сыграл для него роковую роль...

— Что поразило вас на Западе?

— Меня интересовало все. Но все театры передо мной закрывались. Всюду я слышал «нет»! А полиция меня не трогала лишь потому, что я пообещал уехать при первой же возможности. К счастью, была независимая труппа маркиза де Кузваса, который и пригласил меня к себе.

— И вы стали знакомиться с западным балетом?

— Да, это была мечта, соединившаяся с личной свободой. Я хотел изучить все. Я поехал в Данию посмотреть Эрика Бруна. Я хотел встретиться с Баланчиным, изучить новый танцевальный язык, новую хореографию...

— Как прошла ваша встреча с Баланчиным?

— Он сказал мне: «Когда вам надоедят ваши принцы и принцессы, приезжайте ко мне». Но мне так и не надоело танцевать принцев и я не думаю, чтобы принцессам надоело танцевать со мной!.. И все же я танцевал балеты Баланчина и разучивал их с ним самим.

— После почти тридцатилетнего изгнания вы получили возможность вернуться в Россию. Какое чувство вы испытывали прежде всего?

— Конечно же, радость, но радость «странную» — кисло-сладкую!.. Трудно. Я увидел мою мать, которая меня не узнала.

— Какое место занял Париж в вашей карьере?

— Здесь я выбрал свободу. Здесь я начал карьеру на Западе. Здесь она завершится... Да и потом достаточно сделать арифметический подсчет — из тридцати лет на Западе шесть я посвятил Парижу.

— Каким вам видится будущее дворца Гарнье?

— Патрик Дюпон полон «шарма». Он напоминает мне ту новеллу Ивлина Во, где герой-художник всю жизнь стремится «шармировать» окружающих. А автор заключает: «Шарм убивает все...» Он самый знаменитый из французских танцовщиков с большим обаянием. Однако я не считаю его лучшим...

— Считаете ли вы себя верующим?

— Нет. Если бы я был религиозен, мое татарское происхождение привело бы меня к мусульманству. Мои близкие друзья считают меня верующим помимо самого себя, так как я наизусть знаю Коран и Библию.

— Что вы считаете своей самой большой удачей?

— Возможность танцевать с Марго Фонтейн.

— Вас всегда сравнивают с

животным, особенно часто с хищником, с тигром.

— Потому что я царапаюсь? Или за гибкость? Для меня животное, заставляющее вспомнить о танце, — это скорее уж серна или фламинго.

— Какой иной образ жизни вы могли бы вести?

— Никакой. Только на подмостках — тут настоящая жизнь...

— Вы как-то сказали: «Танец — это искусство, которое требует постоянного принесения жертв... оно переходит от тела к телу».

— Без комментариев!

— Вы еще сказали: «Огни гаснут, и я умираю... Но завтра я возрождаюсь и снова танцую».

— Это значит, что танец не умирает. И всюду, где буду танцевать, что-то от меня, какая-то моя частичка будет танцевать тоже... Возможно.

— И это значит, что танец после вас никогда не будет прежним?

— Я надеюсь, что нес в себе какой-то элемент связи традиций и поиска. «Был маленьким шажочком (пети па)» — не Петипа, но пети па!..